

Был Чаадаевым нашего времени

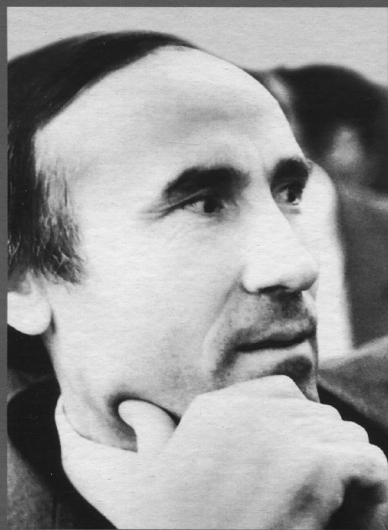
От автора:

На излёте прошлого года в рамках Международного научно-практического семинара, посвящённого 30-летию Академии наук Татарстана, состоялась презентация книги известного филолога, историка, философа, педагога, публициста Ямиля Сафиуллина «От романтизма к сопоставлению литератур». В сборник вошли как статьи самого учёного, так и публикации о нём. Особую веху в творчестве Ямиля Галимовича составило сотрудничество с «Казанским альманахом», на страницах которого пять последних лет жизни он выдал замечательную серию научно-популярных статей, очерков и даже прозы. Все они представлены в данном сборнике.

На презентации присутствовали вдова учёного Татьяна Александровна, внук Данил, выступали аксакалы татарской литературы, ученики мэтра, сами ставшие видными учёными, молодые артисты и автор этих строк.

Научный редактор сборника, кандидат филологических наук Марсель Ибрагимов, заказал мне ранее статью о своём учителе и главном действующем лице готовящейся к печати книги. Я выполнил просьбу, и статья моя нашла своё место в сборнике. Предлагаем её и нашему читателю. Пусть она станет неким итогом вдохновенной серии публикаций Ямиля Галимовича Сафиуллина в «Казанском альманахе»

Ахат Мушинский

ОТ РОМАНТИЗМА К СОПОСТАВЛЕНИЮ ЛИТЕРАТУР

ПРОСТО мистика какая-то. Но я заинтересовался личностью Ямиля Галимовича Сафиуллина ещё в 70-е годы прошлого века, когда был студентом-заочником Казанского государственного университета. В коридорах вуза я увидел вдохновенного человека, довольно высокого роста, подтянутого, с утончённой жестикуляцией и постоянной группой молодёжи вокруг себя, для которой он был, чувствовалось, не просто преподавателем. Я наблюдал за ним и рисовал для себя незаурядный художественный образ, строил фантазии о нём, как о необычном в университетских стенах мыслителе и философе, лидере какой-то оригинальной, всё покоряющей мысли. Была во мне такая особенность – выбирать интересный для меня тип

человека и в мыслях творить его биографию, личную жизнь, конфликты, падения на тернистом жизненном пути и подъёмы мужества и духа. Помню брюнета в элегантных костюмах, даже галстуки в памяти, а вот кто он по сути, как его имя, так и не удосужился... Если б учился на очном отделении, то, безусловно, в первой же четверти первого курса я бы узнал, что это декан филологического факультета университета и не надо было бы фантазировать. Однако, повторяю, вымысел для меня был не менее важен, чем реальная действительность. А может быть, и более.

И вот во второй половине 2016 года в Академии наук Татарстана я участвую в конференции, посвящённой русскоязычной литературе республики. Тогда меня особенно заинтересовало выступление на тему арабицы, латиницы, кириллицы и их крутых поворотов. Речь шла об алфавитах не только с лингвистической точки зрения, но и с исторической, политической, философской. Было интересно постичь, как простая графика, геометрические построения букв и манера письма (слева направо, или справа налево) влияют на культуру разных народов не только в письменной области, но и в искусстве, науке, быту, вообще – менталитете, духе, организации мышления.

Сажу, слушаю... И вдруг в почтенном докладчике я начал узнавать того, за кем я, будучи студентом, вдохновенно наблюдал в стенах университета. Да, это был он. И имя через десятки лет здесь, на конференции, стало мне известно – Ямил Галимович Сафиуллин. Удивительная встреча с человеком, которого я себе придумал и который юношеские фантазии мои одним своим очным выступлением превратил в реальность. Перед нами был историк, лингвист, философ, мыслитель широ-

чайшего спектра знаний с нестандартным, порой парадоксальным образом мышления, с дарованием глубоко проникать в исследуемую тему.

По завершении конференции мы, наконец, познакомились, и я предложил Ямилю Галимовичу изложить выступление на страницах «Казанского альманаха». При этом у нас сразу же завязался живой разговор. Я задавал вопросы по поднятой теме, он охотно отвечал, веско обосновывая каждый свой ответ. Помню, я усомнился, что справа налево писать удобнее. Но не это главное. Жаль было, что в том экспромт-разговоре я не спросил: почему арабская графика письма идёт справа налево, а арабская цифирь в числах наоборот – слева направо? Где логика? Хотя особенностей арабских цифр мимоходом он всё-таки коснулся. Я узнал, например: если арабские цифры писать прямыми линиями, то есть сделать угловатыми, то каждая цифра будет соответствовать числу своих углов. Пример: в двойке – два угла, в тройке – три. Верно это с другими цифрами или нет, не шутит ли учёный – оставил выяснение на потом, на домашний досуг. Но вот мой вопрос о противоположном направлении написания чисел в арабском письме зародился у меня, когда отвечать было уже некому.

Статья о крутых поворотах разных алфавитов в нашей стране появилась в мае 2017 года и удивительным образом вызвала интерес в самых различных слоях населения, у представителей, совершенно не относящихся к литературе и письменности профессий. Это была свежая волна в публикациях альманаха по языкознанию, письменной культуре, научно обоснованная и популярно, легко изложенная. Говоря кратко, это был уровень.

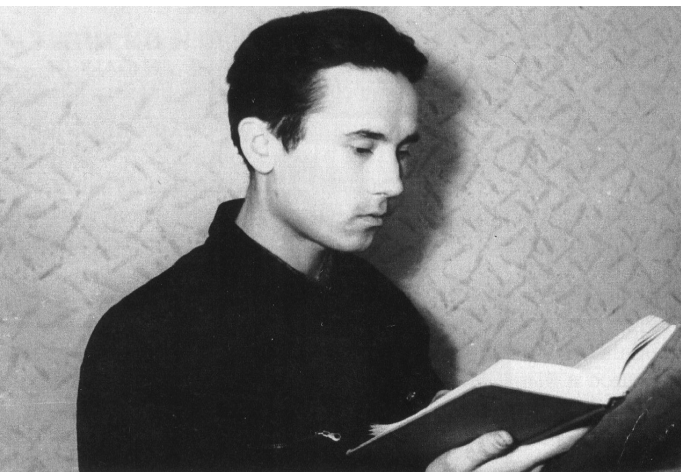
За ней, в том же году, последовала статья «Чаадаев и Казань», книги которого переводились с французского студентами Императорского казанского университета и издавались в первые годы XX века в Казани.

И вновь мистика. К этому времени параллельно или, можно сказать, авто-

номно я подготовил по произведениям Петра Чаадаева большую подборку его мыслей и высказываний. Сами понимаете, труд не одного дня. Материал получился внушительным. И тут является статья Ямиля Галимовича о Чаадаеве – солидный научно-популярный труд на грани открытия. А я готовил изречения «сумасшедшего» философа, автора знаменитых «Философических писем» к нашей рубрике «Классная классика».

Помню, сидим осенним вечером у меня дома, обсуждаем будущую публикацию. Я говорю: «Как хорошо будет вашу статью о Чаадаеве подкрепить в альманахе большой подборкой его мыслей и афоризмов». Неожиданно Ямил Галимович выступил против. Дело в том, что в моей подборке было немало высказываний мыслителя XIX века, критикующих православие с его социальной пассивностью, смирением перед крепостным правом и возводивших в передовые религии католицизм, явными плодами которого были западно-европейские успехи в области науки, культуры, экономики и предпринимательства. Он напомнил мне об ответственности у нас в стране за «оскорбление чувств верующих». И предостерёг: «Затаскают по судам». Я заторможенно внял совету. Но позже послал эту подборку в редакцию весьма независимой и смелой газеты «Звезда Поволжья», где редакторствовал мой хороший друг и идейный собрат Рашит Ахметов. В намеченный четверг раскрываю номер газеты с моим материалом – о православии ни слова, всё сокращено. «Да, – подумал я, – учёный и издатель одинаково твёрдо знают, в какое время живут и на какой почве находятся».

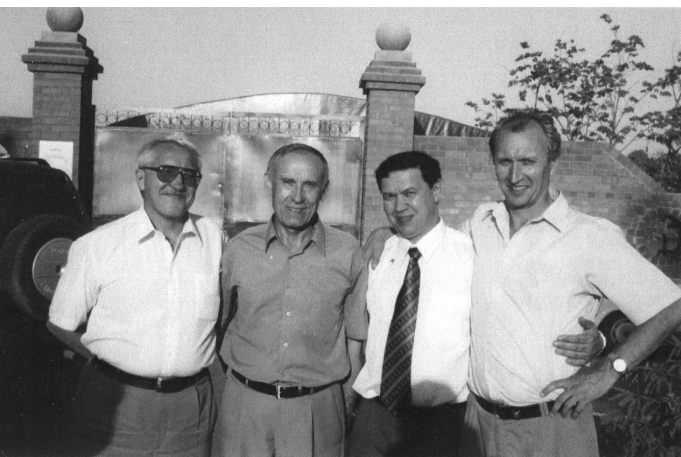
При всей своей смелости и безбрежности философской мысли, нестандартности мышления, глубине взглядов на литературу, культуру, вообще миропорядок в Ямиле Галимовиче всё-таки сохранился какой-то остаток *homo soveticus*, то есть человека своего (советского) времени, заключённого некогда в идеологические тиски царившего политического режима. При каждой новой

*В общежитии Казанского университета.
1960-е годы*

*Во время отправки студентов в стройотряд.
1980-е годы*

задумке, при идее новой статьи, он высказывал сомнение: «Нет, дорогой, это ты не опубликуешь». Это и Чаадаева касалось и, что интересно, В. И. Ленина в рубрике «Твоя первая книга». Да, первой книгой, повлиявшей на формирование личности Ямиля Галимовича, был солидный краснокожий том вождя пролетариата. И если раньше преследовались малейшие проявления антикоммунизма, то теперь, напротив, ему казалось, что не в чести, — идеи ленинизма.

Статью ту под рубрикой «Твоя первая книга» мы, конечно, опубликовали без малейших купюр. Надо сказать, Ямил Галимович развернулся в ней во всю силу своего аналитического дарования, открытости и убедительности публициста.

Отвлекаясь, быть может, но всё равно в русле этой статьи замечу, что человек пишущий и редактор в нём, творец и страж порядка — стилистического, политического, правового и пр. — это разные люди. Писатель, журналист, учёный в момент вдохновения зачастую не думает о берегах, его несёт половодье чувств, знаний, невысказанности... Но наступает, как говорится, утро, и в творце просыпается редактор, а порой этот бдительный редактор заранее опасается за вольности своего творческого визави. Оглядываясь на седую историю, вспоминается «бунтовщик хуже Пугачёва» Александр Радищев, для которого вдохновенный вечер создания «Путешествия из Петербурга в Москву» и холодное утро пробуждения от труда праведного оказались разными временами года — половодьем и стужей, буйным расцветом и страшным опустошением.

Любимый ученик Ямиля Галимовича кандидат филологических наук Марсель Ибрагимов в послесловии к посмертной статье своего учителя в «Казанском альманахе» задаётся вопросом: «Почему он не печатался раньше? Почему

*С коллегами и друзьями Р. Г. Минзариповым,
М. Х. Салаховым, В. С. Бухминым*

скрывал от нас, своих учеников и коллег, тягу к творчеству, не только научному – художественному?» Вот потому-то, дорогой Марсель Ильдарович, и не раскрывался человек в полной мере, что на заре своего творчества попал он в безвоздушное пространство социалистического реализма, службе которого, будучи секретарём партийной организации университета, отдал немало совсем необязательных сил.

Справедливости ради следует заметить, что секретарь партийной организации университета Я. Г. Сафиуллин во второй половине 1980-х годов внёс заметный вклад в демократизацию учебного процесса, в повышение национального компонента как в структурном обновлении вуза, так и в программах исторических, филологических и прочих дисциплин. При его непосредственном участии зародился и стал действовать в университете диссертационный совет по филологии. В 1989 году стараниями проректора М. Усманова, секретаря парткома Я. Сафиуллина и др. был открыт факультет татарской филологии, истории и восточных языков. Тогда же отделение журналистики поднялось до статуса факультета.

Словом, неоднозначна фигура нашего героя, как неоднозначна и противоречива любая сколь-либо выдающаяся личность из рода *homo cogitans* (людей мыслящих).

Его отдушиной и раскрепощённой нивой труда в университете оставалась зарубежная литература, где учёный специализировался, где действительно дышал полной грудью и не оглядывался на всяческие измы и прочие инструменты воздействия власти на литературу и искусство.

И потом ведь практическое письмо, отображение своих мыслей в строгой печатной форме требует, как скрипачу со своей скрипкой, постоянной прак-

*Экскурсия в музей истории
Казанского университета*

*Ямил Галимович с Флоридом Агзамовым
и китайскими коллегами*

*С писателями А. Мушинским и О. Ивановой
в Академии наук. 2019*

тики. Мысль лекторская, какой бы она оригинальной ни была, и мысль печатная, труд ораторский с амвона и выверенный слог на бумаге, мониторе – это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Ямил Галимович, выдвигая интересные идеи, изустно трактуя сложные понятия и явления, много времени упустил, что называется, вне белой бумаги и чёрных чернил.

Марсель Ибрагимов в своей статье о наставнике пишет: «На одной из конференций друг Ямиля Галимовича, профессор Чувашского госуниверситета Виталий Родионов подарил ему библиографию своих трудов. Полистав её, Ямил Галимович в шутку сказал, что, если его собственные труды собрать в одну книгу, то она по объёму будет как подаренная библиография. Это было произнесено с юмором...» Но я уверен, и не без скрытой горечи. По себе знаю (десять лет вёл на ТВ программу «У зелёного камина»), устное улетает без следа. Эфир есть эфир. А печатное остаётся на века вечные.

Тем не менее, как видим, на последней прямой творческого пути естественная потребность учёного в печатном слове вырвалась из-под спуда всяческих тормозов, и он выдал друг за другом подряд целую серию замечательных статей и, как я уже упомянул, заявил, написал и с колёс опубликовал рассказ из жизни армейского снайпера «Яблоко от яблони», который мы опубликовали в декабре 2018 года. На презентации выпуска альманаха Ямил Галимович сказал: «Я решил проверить теорию практикой – сам написать рассказ после многих лет чтения лекций о литературном творчестве». Скажу прямо: опыт по большому счёту удался.

Вот что значит полностью раскрепоститься! Свобода слова, свобода творчества, свобода самовыражения – всё-таки не пустые слова. На страницах «Казанского альманаха» Ямил Галимович неожиданно ощутил не просто свободу, а небывалый прилив творческих сил, особое ощущение воли, полёта, твёрдости крыла. «Это моя эпоха Возрождения

– не раз шутил он и добавлял серьёзно: – А может, и подлинного рождения».

На мой взгляд, творчество Ямиля Галимовича в ряду научно-популярной публицистики на страницах «Казанского альманаха» наиболее свободно и полно раскрылось в статье «Революцией рождённый и убитый», посвящённой 100-летию со дня смерти татаро-башкирского поэта Шаехзаде Бабича. Судьба поэта трагична. Поверив в обещания большевиков предоставить свободу угнетённым народам, Бабич активно включается в борьбу на стороне Рабоче-крестьянской Красной Армии и во время красного террора от её рук же жесточайшим образом погибает. Учёный сравнивает Бабича с Тукаем и называет главное их различие. Если Тукай, по словам автора статьи, является светским поэтом и основоположником новой татарской поэзии, то Бабич религиозен, по-восточному философичен и по мировосприятию близок к суфизму, реформаторскому движению в исламе против закостенелого догматизма и за более широкие права личности в вере.

О природе и сущности творчества Бабича написано ничтожно мало. В условиях советской идеологии поэт на время вообще был вычеркнут из истории поэзии. И вот перед нами колоссальный труд по созданию многопланового портрета Шаехзаде Бабича, сопровождаемый переводами его поэзии на русский язык самого автора статьи. Совершенно новая страница в творчестве мэтра!

На статье этой учёный не останавливается. Если говорить спортивным языком, перед нами, оказывается, была просто разминка. В начале 2020 года он предоставляет для печати в альманахе свою, пожалуй, самую внушительную как по объёму, так и по содержательной весомости статью, посвящённую 125-летию того же Бабича. Знарок русской и западно-европейской литературы поражает здесь широтой знаний философской и религиозной поэзии Востока, анализирует многогранное творчество поэта, прожившего на белом свете всего

24 года, подкрепляя свои утверждения опять-таки собственными переводами его стихов на русский язык.

К сожалению, увидеть её на страницах альманаха ему не довелось. «Это, скорее всего, моя последняя статья», – сказал он мне по телефону в июле 2020-го, когда уже лежал в больнице. И оказался прав.

Статья эта называется «Жизнь поэта в его стихах» и производит сильное впечатление. И познавательное, и эмоциональное. Не буду пересказывать, пытаться анализировать, её надо читать с карандашом в руке.

Но вот какое наблюдение. Немало писателей, критиков, литературоведов, учёных-филологов из так называемых националов в начале своего творческого пути устремляют взор на всемирно признанные литературы больших народов, отодвигая на второй план родную, кровную. Нет пророка в своём отечестве, поищем его за горами, за долами. И вот перед нами вырастают Платон, Ницше, Хайдеггер, Уитмен, Джойс, Тютчев, Блок, Н. Гумилёв... Полёт ввысь, к кронам мировой литературы неудержим, прекрасен, романтичен... Однако проходит время, появляется серебро в висках, и незаметно ты начинаешь чувствовать, что постепенно опускаешься из-за облачных высот, эволюционируешь к своим корням, вспоминаешь родной язык, обычаи, традиции, мелодии, поэзию, которая, оказывается, не так уж слаба, если посмотреть на неё внимательно, а зачастую и удивительно близка твоей душе и неповторима; начинаешь понимать, что происходит она и вся культура твоего народа из благородных кровей и имеет знатных родственников по миру.

Это я и о себе тоже, и о многих, кого хорошо знаю. Это закон природы. Это, как сказал один мой старший друг, закон всемирного культурного тяготения. От Уитмена, Джойса, Полевого (кандидатская молодого учёного Сафиуллина называлась «Н. А. Полевой как теоретик романтизма») – к Тукаю, Сунчелею, Бабичу...

Природу-матушку не проведёшь. Ещё одно свидетельство тому – большой материал Ямиля Галимовича о своём колхозном детстве во время Великой Отечественной войны. Она называется «Ева на пашне» («КА», май 2020). Очерк – не очерк, рассказ – не рассказ... о голодном, безлошадном детстве в далёком тылу, когда землю пахали с помощью домашних коров – лошадей-то на фронт забрали и в «трудовую армию».

«Теперь нас на поле трое: мама впереди, в больших отцовых сапогах и с поводком от узды в руке, затем – корова с бороной, а я, босой и с хворостинкой на пашне, слева от них». Автор сообщает, что ему, конечно же, не дано в полной мере передать все тяготы военного времени и голода, выпавшие на долю одной из многих тыловых деревень. Но немало поразительных, за гранью человеческого понимания фактов и событий Ямил Галимович сообщает в своём повествовании. Особенно хочу отметить его восприятие голода:

«Нищета и голод – это тишина и безмолвие. Чем голод сильнее, тем выше давление гнетущей тишины, родственной небытию и смерти».

«У голода и цвет свой. Бело-серый, холодный. Студня, медузы. В моём представлении – варёного ремня, который при его варке теряет краски, белеет. Студенистый по верху и жёсткий в середине. Трудно его разжёвывать, но он сытный».

И далее:

«Я так и не привык к современной культуре питания, порою утончённой и обильной. Я плохой ценитель роскошных столов на банкетах, разного рода приёмах и просто в гостях. Слова «отличные грибочки, попробуйте», «почему вы так мало едите?» – меня не трогают и при повторах встречают внутренний протест».

Казалось, Ямил Галимович сугубо городской человек, эстет и прочее. После прочтения «Евы на пашне» я увидел в нём другого человека, мне, наконец, стало в нём многое понятно. Понятны

и корни его, и кроны, и в какой-то мере динамика жизни и творчества.

До последних дней подтянутый, с иголки одетый, эрудит и оратор, лидер, Чаадаев нашего времени, он в душе и некоторых повадках своих по-прежнему оставался тем самым бо-соногим мальчишкой на пашне с хворостинкой, который после войны стал наедаться только на службе в армии и никак не мог насытиться на ниве познания и творчества.

Возникает, должно быть, вопрос: почему в академической иерархии Ямил Галимович со своим огромным научным потенциалом остался в степени кандидата наук? Что ж, так бывает, немало людей с большой буквы по достоинству не оценены своими коллегами, современниками... Нередко своеобразные по своей сущности индивидуальности не соответствуют званиям, чинам, должностям карьерной лестницы, царящей в определённой епархии, в том числе – и в науке. Точнее сказать, не втискиваются своими нестандартными габаритами в привычные пазлы. С другой стороны, Ямил Галимович не испытывал потребности в красивых научных погонах на своих плечах. Он был равнодушен к чинам и титулам, хотя, казалось бы, в университетской молодости он взял круто в карьер. И весьма удачно, прежде всего для самого университета.

Несомненно, в формировании личности Ямиля Галимовича большую роль сыграла Казань – этот исторически сложившийся казан, котёл, в котором варились и варятся представители многих народов, где сходятся и смешиваются Восток и Запад. И это многонациональное, многокультурное варево не могло не сказаться на взглядах и работах учёного. Он считал, что нет в мире первостепенных и второстепенных национальных литератур, для него исходным понятием было их равноправие. С годами он всё более углублялся в эту непростую тему. В первой же статье, опубликованной в «КА», Ямил Галимович сравнительному методу исследований в гуманитарных науках

противопоставил сопоставительный. Сравнивать литературы, разделять их на передовые и отсталые, ведущие и ведомые – не дело науки. Надо ставить их рядом в одном пространстве и сопоставлять. Видеть их полноценное со-присутствие, принимать, как есть, анализировать, а не «подавлять мыслью различия между ними». Сопоставление национальных литератур, различных культур в творчестве мыслителя протянулось красной нитью до последних его дней. В этой теме мэтра особое место занимает художественный перевод, проблемы которого были разносторонне и глубоко исследованы в последней его статье на страницах «КА», посвящённой творчеству Шаехзаде Бабица. Понятно, без художественного перевода, этой переправы между берегами различных культур, речи о сопоставлении быть не может.

В той же статье Ямил Галимович рассматривает суфизм не только как философское и поэтическое явление реформаторского ислама, но и как обитель милосердия. Милосердие – одно из главных составляющих веры и поэзии Бабица. По жизни Ямил Галимович и сам был человеком милосердным. Он не роптал на жизненные неурядицы, был сдержан, щедр и солидарен в милосердии со своим любимым поэтом.

Характерным в этом отношении является стихотворение «Шэвкатем. Йерэгем бүләге» («Милосердие моё. Подарок моего сердца»), опубликованное в сборнике «Синие песни» в 1918 году, всего за несколько месяцев до гибели поэта. Вот заключительные строки этого стихотворения, переведённое Ямилем Галимовичем:

Камень, брошенный в меня,
к тебе хлебом возвратится;
пусть он в памяти твоей как милосердия
дар хранится.

Милосердие моё, как океан:
бездонно, безгранично;
бремя зла и яд страстей
смывает волнами оно.

(Перевод Я. Сафиуллина)

Милосердие и щедрость, как известно, ходят рядом. По всему своему жизненному пути учёный, как добросовестный сеятель, пригоршнями бросал зёрна просвещения, одаривал идеями своих учеников, помогал им в продвижении научных трудов. Об этом свидетельствуют его коллеги-современники, а также ученики, сами ставшие ныне светилами в науке и образовании. Я же веду речь о буквально пяти последних годах его жизни, когда мы с ним тесно взаимодействовали, когда у него был мощный творческий всплеск, который необыкновенными по силе и проникновенности материалами опустил на страницы «Казанского альманаха» и открыл для многих нового Ямиля Галимовича Сафиуллина, а для издания – новые горизонты познания.

От номера к номеру, от научной кон-

ференции к конференции, на которые Ямил Галимович стал зазывать меня, наши шаги становились согласованными. Для участия в альманахе под рубрикой «Академия «КА» он призвал молодые научные силы. Научно-познавательная часть издания набирала обороты. Казалось бы, наше сотрудничество с Ямилем Галимовичем будет продолжаться и продолжаться. Он был бодр, свеж и полон творческих планов. Как-то не бралось во внимание, что ему уже 86-й год да ещё эта рыскающая по земле пандемия...

Нанося последние штрихи к портрету Ямиля Галимовича и подытоживая его творчество на страницах «Казанского альманаха», можно сказать, что эти пять лет, несмотря на относительную непродолжительность в историческом плане, стали заметной вехой в его и нашей жизни.

Не только на бумаге

«Казанский альманах» вы можете видеть и читать на интернет-сайте: **www.kazalmanah.ru**

Просмотр возможен как по номерам издания, так и по авторам в алфавитном порядке.

Дорогие друзья, вас ждут тексты и иллюстрации альманаха на вашем мониторе в полном объёме!